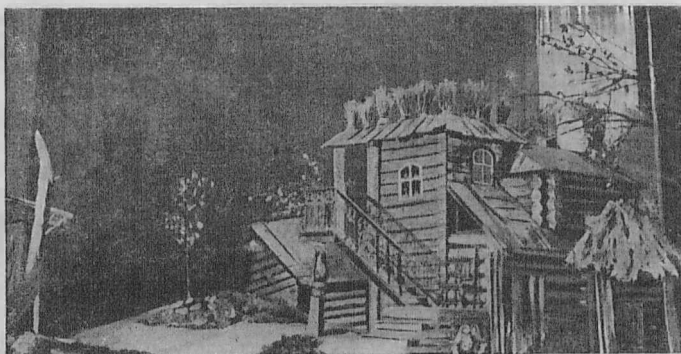

„Недоросль“
в Ленинградском Траме.

А производство работает непрерывно, приходит зритель; он не ждет и требует новой продукции.

В таких условиях рождаются два чувства по отношению к своей работе: ненависть и любовь.

Ненависть заставляет бежать прочь и искать выхода в других театральные системы, любовь — цепляется за старое и утверждает ошибки.

Конечно, исправлять ошибки, учиться можно и нужно у старых театральные систем, у больших мастеров современности. Можно даже привлечь непосредственно в свои ряды представителей той или иной театральной системы, но решение вопроса все же будет лежать в непосредственной активной творческой практике, на основе понимания конкретных текущих задач и освоения пройденного исторического этапа.

Вот этого понимания и осмысления своей прежней положительной практики и не хватало Лентраму.

Новое мироощущение молодого подымающегося класса лежало в основе работ Трам. Это оно наполняло спектакли Трам безудержной, веселой, радостной лирикой, комсомольским большевистским задором!

Недаром поспешная критика заговорила о своеобразном «трамском» стиле «бодрых» спектаклей, стиле, который довольно быстро сделался достоянием всех профтеатров, превратившись в своеобразный штамп, с которым не в силах была выдержать борьбу даже всепокоряющая мхатовская система.

О комсомольском задоре трамских спектаклей критика писала много; совсем не писала она о том новом содержании, которое внесли трамские спектакли.

Правда, критика писала о «диалектической форме», о «наплывах», о музыке, о декорациях, о свете, о ритме трамских спектаклей. Но когда дело касалось тематики, когда дело шло о комсомольских характерах, критика стыдливо молчала, не разрабатывая этого вопроса, к сожалению, и сам Трам.

А между тем на протяжении своей работы Трам выдвинул ряд проблем, продолжающих и до сего времени бытовать в профессиональной драматургии, выдвинул галерею образов и характеров, и сегодня еще не сходящих со сцены.

Вот тема борьбы комсомольского коллектива за своего ошибающегося, попадающего под чуждое влияние товарища.

Через эпоху гражданской войны («Зорька») к восстановительному периоду («Будни» и «Мещанка») и дальше к реконструктивному периоду («Плавятся дни» и «Клеш задумчивый») вплоть до наших дней эта тема красной нитью проходит через весь репертуар Трам.

Рождаются комсомольские образы хороших, но ошибающихся ребят; им противостоят крепкие, закаленные в работе комсомольцы-большевики; между ними треплются любимцы публики — чудаковатые простачки-комсомольцы.

Вот тема борьбы старого сознания с новым, старых собственнических инстинктов с новым, социалистическим отношением к труду и жизни. В «Клеше задумчивом», в «Целине», в «Прими бой» эта те-

друг другом. Приход к нам в театр режиссеров Судакова, Хмелева, Баталова положил начало работе, в результате которой был уничтожен разрыв между актером и зрителем, о котором я говорил выше, и заполнились пустоты, имевшиеся в моей работе над ролью, нужным, необходимым и обязательным для каждого актера материалом, который я прежде вынужден был заменять интуицией и мышечным напряжением при холодном и пассивном состоянии моего тула.

Пьеса, которой суждено было стать поворотным шагом нашей работы, была не лучшей и даже не полноценной, ибо не везде правдиво, жизненно и реально отобразил автор будни нашей сегодняшней молодежи. Подчас надуманно даны основные элементы театральной грамоты, чего как раз нам, при нашем крепком политическом уровне, очень и очень не хватало. В этом спектакле мы работали над образом, базирываясь не на вымысле и интуиции, а исходя из критического овладения старым культурным наследием и в частности театральной культурой МХТ.

Мне поручили работать над образом Антона Шметелюка, бригадира ударной бригады по укладке бетона на строитель-

стве. Сначала я испугался такой большой и сложной роли. Однако надо было приступать к работе. С первых же занятий с И. Я. Судаковым, Н. П. Хмелевым и Н. П. Баталовым между нами и ними установилась небывалая доселе деловая спайка и высокая дисциплина, объединившая нас всех и мобилизовавшая на выполнение задания МК комсомола дать премьеру высокого качества и работать ее в минимальный срок к мировой олимпиаде рабочих театров.

Разбившись по бригадам, по картинам и закрепив за каждым определенное, отвечающего за работу группы режиссера, стали заниматься у мхатовцев на квартирах и в Доме комсомола на Красной Пресне, где шум окружавшей нас молодежи подчас не только мешал работать, но и срывал репетиции. В первые две недели мы проводили общие занятия. Мхатовцы просмотрели наши очередные спектакли на зрителе, разобрали отдельные куски на репетиции, причем после обсуждения и практического разбора тут же показали нам, как можно тот же материал, который мы подаем, при условии грамотной актерской его организации, сделать более выразительным. С каждым днем мы все ближе и ближе подходили к основным вопросам работы над ролью через эти практические репетиции, а также и через лекции, которые проводились режиссерами по всем вопро-

сам мхатовской системы работы над пьесой «Девушки нашей страны».

Первую наметку, разбор роли и взаимоотношений Шметелюка с другими действующими лицами провел со мной И. Я. Судаков. Он очень просто, толково и без лишних слов помог мне нащупать основные зернышки правды, из которых вырастают правильное взаимоотношение с партнером, правильные определения физической линии действия в куске, акте и в роли в целом, а также правильный выбор и понимание задач в каждом куске роли. Илья Яковлевич разбил все общие задачи моего действия на мелкие простые физические задачи, которые я в себе углублял, расширял до максимума, делая это вне репетиций, на ходу, в трамвае, поезде и т. п., ибо дома заниматься не хватает времени. Наконец, в совокупности всех этих элементов начальной работы над ролью я стал приобретать какое-то большое сосредоточенное отношение и внимание к объекту моего чувства. В отличие от прошлых моих работ в данном случае это было настоящее чувство, которым я жил в каждом отдельном куске. Это правильно осознанное понимание задачи в каждом отдельном случае приводило меня в теплое внутренне-согретое состояние верного живущего человека, волнующегося и действующего не словами и руками, а всем своим существом, существом человека,